

Николай Лесков

Христос в гостях у мужика

Николай Семёнович Лесков

Христос в гостях у мужика

«...Настоящий рассказ о том, как сам Христос приходил на Рождество к мужику в гости и чему его выучил, – я слышал от одного старого сибиряка, которому это событие было близко известно. Что он мне рассказывал, то я и передам его же словами...»

Николай Семенович Лесков
Христос в гостях у мужика
Рождественский рассказ

Посвящается христианским детям

Настоящий рассказ о том, как сам Христос приходил на Рождество к мужику в гости и чему его выучил, – я слышал от одного старого сибиряка, которому это событие было близко известно. Что он мне рассказывал, то я и передам его же словами.

* * *

Наше место поселенное, но хорошее, торговое место. Отец мой в нашу сторону прибыл за крепостное время и России, а я тут и родился. Имели достатки по своему положению довольные и теперь не бедствуем. Веру держим простую, русскую[1]. Отец был начитан и меня к чтению приохотил. Который человек науку любил, тот был мне первый друг, и я готов был за него в огонь и в воду. И вот послал мне один раз Господь в утешение приятеля Тимофея Осиповича, про которого я и хочу вам рассказать, как с ним чудо было.

Тимофей Осипов прибыл к нам в молодых годах. Мне было тогда восемнадцать лет, а ему, может быть, с чем-нибудь за двадцать. Поведения Тимоша был самого непостыдного. За что он прибыл по суду на поселение – об этом по нашему положению, щадя челове-

ка, не расспрашивают, но слышно было, что его дядя обидел. Опекуном был в его сиротство да и растратил, или взял, почти все его наследство. А Тимофей; Осипов за то время был по молодым годам нетерпеливый, вышла у них с дядей ссора, и ударил он дядю оружием. По милосердию создателя, грех сего безумия не до конца совершился – Тимофей только ранил дядю в руку насквозь. По молодости Тимофея большего наказания ему не было, как из первогильдейных купцов сослан он к нам на поселение.

Именье Тимошино хотя девять частей было разграблено, но, однако, и с десятою частью еще жить было можно. Он у нас построил дом и стал жить, но в душе у него обида кипела, и долго он от всех сторонился. Сидел всегда дома, и батрак да батрачка только его и видели, а дома он все книги читал, и самые божественные. Наконец мы с ним познакомились, именно из-за книг, и я начал к нему ходить, а он меня принимал с охотою. Пришли мы друг другу по сердцу.

* * *

Родители мои попервоначально не очень ме-

ня к нему пускали. Он им мудрен казался. Говорили: «Неизвестно, какой он такой и зачем ото всех прячется. Как бы чему худому не научил». Но я, быв родительской воле покорен, правду им говорил, отцу и матери, что ничего худого от Тимофея не слышу, а занимаемся тем, что вместе книжки читаем и о вере говорим, как по святой воле Божией жить надо, чтобы образ создателя в себе не уронить и не обесславить. Меня стали пускать к Тимофею сидеть сколько угодно, и отец мой сам к нему сходил, а потом и Тимофей Осипов к нам пришел. Увидали мои старики, что он человек хороший, и полюбили его, и очень стали жалеть, что он часто сумрачный. Воспомнит свою обиду, или особенно если ему хоть одно слово про дядю его сказать, – весь побледнеет и после ходит смутный и руки опустит. Тогда и читать не хочет, да и в глазах вместо всегдашней ласки – гнев горит. Честности он был примерной и умница, а к делам за тоскою своею не брался. Но скуке его Господь скоро помог: пришла ему по сердцу моя сестра, он на ней женился и перестал скучать, а начал жить да поживать и добра наживать, и

В десять лет стал у всех в виду как самый капитальный человек. Дом вывел, как хоромы хорошие; всем полно, всего вдоволь и от всех в уважении, и жена добрая, а дети здоровые. Чего еще надо? Кажется, все прошлое горе позабыть можно, но он, однако, все-таки помнил свою обиду, и один раз, когда мы с ним вдвоем в тележке ехали и говорили во всяком благодушии, я его спросил:

– Как, брат Тимоша, всем ли ты теперь доволен?

– В каком, – спрашивает, – это смысле?

– Имеешь ли все то, чего в своем месте лишился?

А он сейчас весь побледнел и ни слова не ответил, только молча лошадью правил. Тогда я извинился.

– Ты, – говорю, – брат, меня прости, что так спросил... Я думал, что лихое давно... минуло и позабылось.

– Нужды нет, – отвечает, – что оно давно... минуло – оно минуло, да все-таки помнится...

Мне его жаль стало, только не с той стороны, что он когда-нибудь больше имел, а что он в таком омрачении: Святое Писание знает

и хорошо говорить о вере умеет, а к обиде такую прочную память хранит. Значит, его святое слово не пользует.

Я и задумался, так как во всем его умнее себя почитал и от него думал добрым рассуждением пользоваться, а он зло помнит... Он это заметил и говорит:

– Что ты теперь думаешь?

– А так, – говорю, – думаю что попало.

– Нет: ты это обо мне думаешь.

– И о тебе думаю.

– Что же ты обо мне, как понимаешь?

– Ты, мол, не сердись, я вот что про тебя подумал. Писание ты знаешь, а сердце твое гневно и Богу не покоряется. Есть ли тебе через это какая польза в Писании?

Тимофей не осерчал, но только грустно омрачился и лице и отвечает:

– Ты святое слово проводить не сведущ.

– Это, – говорю, – твоя правда, я не сведущ.

– Не сведущ, – говорит, – ты и в том, какие на свете обиды есть.

Я и в этом на его сдание[2] согласился, а он стал говорить, что есть таковые оскорбления, коих стерпеть нельзя, – и рассказал мне, что

он не за деньги на дядю своего столь гневен, а за другое, чего забыть нельзя.

– Век бы про это молчать хотел, но ныне тебе, – говорит, – как другу моему откроюсь.

Я говорю:

– Если это тебе может стать на пользу – откройся.

И он открыл мне, что дядя смертно огорчил его отца, свел горем в могилу его мать, оклеветал его самого и при старости своих лет улестил и угрозами понудил одних людей выдать за него, за старика, молодую девушку, которую Тимоша с детства любил и всегда себе в жену взять располагал.

– Разве, – говорит, – все это можно простить? Я его в жизнь не прощу.

– Ну да, – отвечаю, – обида твоя велика, это правда, а что Святое Писание тебя не пользует, и то не ложь.

А он мне опять напоминает, что я слабже его в Писании, и начинает доводить, как в Ветхом Завете святые мужи сами беззаконников не щадили[3] и даже своими руками заклали. Хотел он, бедняк, этим совесть свою передо мной оправдать.

А я по простоте своей ответил ему просто.

– Тимоша, – говорю, – ты умник, ты начитан и все знаешь, и я против тебя по Писанию отвечать не могу. Я что и читал, откроюсь тебе, не все разумею, поелику я человек грешный и ум имею тесный. Однако скажу тебе: в Ветхом Завете все ветхое и как-то рябит в уме двойственно, а в Новом – яснее стоит. Там надо всем блистает. «Возлюби, да прости»[4], и это всего дороже, как злат ключ, который всякий замок открывает. А в чем же прощать, неужели в некоей малой провинности, а не в самой большой вине?

Он молчит.

Тогда я положил в уме: «Господи! Не угодно ли воле Твоей через меня сказать слово душе брата моего?» И говорю, как Христа били, обижали, заплевали и так учредили, что одному Ему нигде места не было, а Он всех простил.

– Последуй, – говорю, – лучше сему, а не отомстительному обычаю.

А он пошел приводить большие толкования, как кто писал, что иное простить яко бы все равно что зло приумножить.

Я на это упрровергать не мог, но сказал только:

– Я-то опасаясь, что «многие книги безумным тя творят»[5]. Ты, – говорю, – ополчись на себя. Пока ты зло помнишь – зло живо, – а пусть оно умрет, тогда и душа твоя в покос жить станет.

Тимофей выслушал меня и сильно сжал мне руку, но обширно говорить не стал, а сказал кратко:

– Не могу, оставь – мне тяжело.

Я оставил. Знал, что у него болит, и молчал, а время шло, и убыло еще шесть лет, и во все это время я за ним наблюдал и видел, что все он страдает и что если пустить его на всю свободу да если он достигнет где-нибудь своего дядю, – забудет он все Писание и поработает сатане мстительному. Но в сердце своем я был покоен, потому что виделся мне тут перст божий. Стал уже он помалу показываться, ну так, верно, и всю руку увидим. Спасет Господь моего друга от греха гнева. Но произошло это весьма удивительно.

* * *

Теперь Тимофей был у нас в ссылке шест-

надцатый год, и прошло уже пятнадцать лет, как он женат. Было ему, стало быть, лет тридцать семь или восемь, и имел он трех детей и жил прекрасно. Любил он особенно цветы розы и имел их у себя много и на окнах, и в палисаднике. Все место перед домом было розанами покрыто, и через их запах был весь дом в благовонии.

И была у Тимофея такая привычка, что, как близится солнце к закату, он непременно выходил в свой садик и сам охорашивал свои розы и читал на скамеечке книгу. Больше, сколь мне известно, и то было, что он тут часто молился.

Таким точно порядком пришел он раз сюда и взял с собою Евангелие. Пооглядел розы, а потом присел, раскрыл книгу и стал читать. Читает, как Христос пришел в гости к фарисею[6] и Ему не подали даже воды, чтобы омыть ноги. И стало Тимофею нестерпимо обидно за Господа и жаль Его. Так жаль, что он заплакал о том, как этот богатый хозяин обошелся со святым гостем. Вот тут в эту самую минуту и случилось чуду начало, о котором Тимоша мне так говорил:

– Гляжу, – говорит, – вокруг себя и думаю: какое у меня всего изобилие и довольство, а Господь мой ходил в такой ценности и унижении... И наполнились все глаза мои слезами и никак их сморгнуть не могу; и все вокруг меня стало розовое, даже самые мои слезы. Так, вроде забытья или обморока, и воскликнул я: «Господи! Если б ты ко мне пришел – я бы тебе и себя самого отдал».

А ему вдруг в ответ откуда-то, как в ветерке в розовом,дохнуло:

– *Приду!*

Тимофей с трепетом прибежал ко мне и спрашивает:

– Как ты об этом понимаешь: неужели Господь ко мне может в гости прийти?

Я отвечаю:

– Это, брат, сверх моего понимания. Как об этом, можно ли что усмотреть в Писании?

А Тимофей говорит:

В Писании есть: «Все тот же Христос ныне и вовеки»[7], – я не смею не верить.

– Что же, – говорю, – и верь.

– Я велю что день на столе ему прибор ста-

вить. Я плечами пожал и отвечаю:

– Ты меня не спрашивай, смотри сам лучшее, что к его воле быть может удобное, а впрочем, я и в приборе ему обиды не считаю, но только не гордо ли это?

– Сказано, – говорит, – «сей грешники приемлет и с мытарями ест»[8].

– А и то, – отвечаю, – сказано: «Господи! Я не достоин, чтобы ты вошел в дом мой»[9]. Мне и это нравится.

Тимофей говорит: – Ты не знаешь.

– Хорошо, будь по-твоему.

* * *

Тимофей велел жене с другого же дня ставить за столом лишнее место. Как садятся они за стол пять человек – он, да жена, да трое ребятшек, – всегда у них шестое место и конце стола почетное, и перед ним большое кресло.

Жена любопытствовала: что это, к чему и для кого? Но Тимофей ей не все открывал. Жене и другим он говорил только, что так надо по его душевному обещанию «для первого гостя», а настоящего, кроме его да меня, никто не знал.

Ждал Тимофей Спасителя на другой день

после слова и розовом садике, ждал в третий день, потом в первое воскресенье – но ожидания эти были без исполнения. Долгодневны и еще были его ожидания: на всякий праздник Тимофей все ждал Христа в гости и истомился тревогою, но не ослабевал в уповании, что Господь свое обещание сдержит – придет. Открыл мне Тимофей так, что «всякий день, говорит, я молю: «Ей, гряди, Господи!» – и ожидаю, но не слышу желанного ответа: «Ей, гряди скоро!»»[10]

Разум мой недоумевал, что отвечать Тимофею, и часто я думал, что друг мой загордел и теперь за то путается в напрасном обольщении. Однако Божие смирение о том было иначе.

* * *

Наступило Христово Рождество. Стояла лютая зима. Тимофей приходит ко мне на сочельник и говорит:

– Брат любезный, завтра я дождусь Господа.

Я к этим речам давно был безответен, и тут только спросил:

– Какое же ты имеешь в этом уверение?

– Ныне, – отвечает, – только я помолил: «Ей, гряди, Господи!» – как вся душа во мне всколыхнулась и в ней словно трубой вострубило: «Ей, гряду скоро!» Завтра его святое Рождество – и не в сей ли день он пожалует? Приди ко мне со всеми родными, а то душа моя страхом трепещет.

Я говорю:

– Тимоша! Знаешь ты, что я ни о чем этом судить не умею и Господа видеть не ожидаю, потому что я муж грешник, но ты нам свой человек – мы к тебе придем. А ты если уповательно ждешь столь великого гостя, зови не своих друзей, а сделай ему угодное товарищество.

– Понимаю, – отвечает, – и сейчас пошлю служащих у меня и сына моего обойти села и звать всех ссыльных – кто в нужде и в бедствии. Явит Господь дивную милость – пожалует, так встретит все по заповеди.

Мне и это слово его тоже не нравилось.

– Тимофей, – говорю, – кто может учредить все по заповеди? Одно не разумеешь, другое забудешь, а третье исполнить не можешь. Однако если все это столь сильно «трубит» в ду-

ше твоей, то да будет так, как тебе открывает-ся. Если Господь придет, он все, чего недоста-нет, пополнит, и если ты кого ему надо забу-дешь, он недостающего и сам приведет.

Пришли мы в Рождество к Тимофею всей семьей, попозже, как ходят на званый стол. Так он звал, чтобы *всех дожидаться*. Застали большие хоромы его полны людей всякого на-шенского, сибирского, засыльного роду. Муж-чины и женщины и детское поколение, вся-кого звания и из разных мест – и российские, и поляки, и чухонской веры. Тимофей собрал всех бедных поселенцев, которые еще с при-бытия не оправились на своем хозяйстве. Сто-лы большие, крыты скатертями и всем, чем надобно. Батрачки бегают, квасы и чаши с пи-рогами расставляют. А на дворе уже смерка-лося, да и ждать больше было некого: все по-слы домой возвратились и гостям неоткуда больше быть, потому что на дворе поднялась мятель и вьюга, как светопреставление.

Одного только гостя нет и нет – который всех дороже.

Надо было уже и огни зажигать да и за

стол садиться, потому что совсем темно пона-
двинуло, и все мы ждем в сумраке при одном
малом свете от лампад перед иконами.

Тимофей ходил и сидел, и был, видно, в
тяжкой тревоге. Все упование его поколеба-
лось: теперь уже видное дело, что не бывать
«великому гостю».

Прошла еще минута, и Тимофей вздохнул,
взглянул на меня с унылостью и говорит:

– Ну, брат милый, вижу я, что либо угодно
Господу оставить меня в посмеянии, либо
прав ты: не умел я собрать всех, кого надо,
чтоб его встретить. Будь о всем воля Божия:
помолимся и сядем за стол.

Я отвечаю:

– Читай молитву.

Он стал перед иконою и вслух зачитал:
«Отче наш, иже еси на небеси», а потом: «Хри-
стос рождается, славите, Христос с небес, сря-
щите[11], Христос на земли...»

И только он это слово вымолвил, как вне-
запно что-то так страшно ударило со двора в
стену, что даже все зашаталось, а потом сра-
зу же прошумел шум по широким сеням, и
вдруг двери в горницу сами вскрылись на-

стежь.

* * *

Все люди, сколько тут было, в неописанном страхе шарахнулись в один угол, а многие упали, и только кои всех смелее на двери смотрели. А в двери на пороге стоял старый-престарый старик, весь в худом рубище, дрожит и, чтобы не упасть, обеими руками за притолки держится; а из-за него из сеней, где темно было, – неописанный розовый свет светит, и через плечо старика вперед в хоромину выходит белая, как из снега, рука, и в ней длинная глиняная плошка с огнем – такая, как на беседе Никодима пишется... Ветер с вьюгой с надворья рвет, а огня не колышет... И светит этот огонь старику в лицо и на руку, а на руке в глаза бросается заросший старый шрам, весь побелел от стужи.

Тимофей как увидал это, вскричал:

– Господи! Вижду и приму его во имя твое, а ты сам не входи ко мне: я человек злой и грешный. – Да с этим и поклонился лицом до земли. А с ним и я упал на землю от радости, что его настоящей христианской покорностью тронуло; и воскликнул всем вслух:

– Вонмем[12]: Христос среди нас!

А все отвечали:

– Аминь, – то есть истинно.

* * *

Тут внесли огонь; я и Тимофей восклонились от полу, а белой руки уже не видать – только один старик остался.

Тимофей встал, взял его за обе руки и посадил на первое место. А кто он был, этот старик, может быть, вы и сами догадаетесь: это был *враг* Тимофея – дядя, который всего его разорил. В кратких словах он сказал, что все у него прошло прахом: и семьи, и богатства он лишился, и ходил давно, чтобы отыскать племянника и просить у него прощения. И жаждал он этого, и боялся Тимофеева гнева, а в эту мятель сбился с пути и, замерзая, чаял смерти единой.

– Но вдруг, – говорит, – кто-то *неведомый* осиял меня и сказал: «Иди, согрейся на моем месте и поешь из моей чаши», взял меня за обе руки, и я стал здесь, сам не знаю отколе.

А Тимофей при всех отвечал:

– Я, дядя, твоего провожатого ведаю: это Господь, который сказал: «Аще алчет враг

твой – ухлеби его, аще жаждет – напой его» [13]. Сядь у меня на первом месте – ешь и пей во славу его, и будь в доме моем во всей воле до конца жизни.

С той поры старик так и остался у Тимофея и, умирая, благословил его, а Тимофей стал навсегда мирен в сердце своем.

* * *

Так научен был мужик устроить в сердце своем ясли для рожденного на земле Христа. И всякое сердце может быть такими яслями, если оно исполнило заповедь: «Любите врагов ваших, благотворите обидевшим вас» [14]. Христос придет в это сердце, как в убранный горницу, и сотворит себе там обитель.

Ей, гряди, Господи; ей, гряди скоро!

1881

Примечания

1

То есть герой принадлежит к староверам.

[^^^]

2

Сдание – ответ, возражение.

[^^^]

3

См.: Евангелие. Деяния Святых апостолов,
2:23.

[^^^]

4

См.: Евангелие от Матфея, 5:44.

[^^^]

5

Цитата из Библии в древнерусском переводе
(Екклесиаст, 12:12).

[^^^]

6

См.: Евангелие от Луки, 7: 36,44.

[^^^]

Евангелие. Послание к евреям Святого апостола Павла.

[^^^]

8

См.: Евангелие от Матфея, 9: 11, от Марка, 2: 16, от Луки, 5:30.

[^^^]

9

Евангелие от Матфея, 8: 8.

[^^^]

10

Евангелие. Откровение Святого Иоанна Божьего слова, 22:20.

[^^^]

Срящите – встречайте.

[^^^]

12

Вонмем – слушайте (буквально: восслушаем).

[^^^]

Евангелие. Послание к римлянам Святого апостола Павла, 12:20.

[^^^]

Из заповедей Христа, обращенных к апостолам и народу Иудеи (Евангелие от Матфея, 5:44, и от Луки, 6:27

[^^^]